структуре больше цельности, добавили бы строгости в рубрикации и оформлении, наконец, в отборе самих текстов. Но, ожидая дальнейшей позитивной динамики, мы уже сейчас можем, без сомнения, считать *Pax Islamica* значительным явлением в поле востоковедения и академического исследования религии.

А. Агаджанян

Ситников А. Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя, 2012. — 248 с.

Работа Алексея Ситникова, написанная на основе его докторской диссертации, посвящена «анализу влияния православия на формирование в российском обществе институтов власти, стратификационной структуры и становление гражданского общества» (с. 9). Это одно из первых в отечественной науке комплексных и системных исследований данного вопроса. Автор привлекает обширную литературу и разнообразную источниковедческую базу; анализирует труды отечественных и зарубежных ученых; показывает противоречия и тенденции развития в области церковно-общественных и церковно-государственных отношений.

Актуальность подобного исследования не вызывает сомнений: если согласиться с автором и признать, что российское общество в последние годы претерпевает процесс социально-политических трансформаций, направленных на постепенное выстраивание демократических институтов и развитие гражданского общества, то само собой возникает вопрос: какое влияние на этот процесс оказывает православие как культурная традиция и Русская православная церковь как самое крупное и влиятельное религиозное объединение? Есть ли в самом православии ресурсы для облегчения этих трансформаций или же оно, наоборот, в силу своих исторических, вероучительных и иных особенностей обречено быть тормозом и помехой развитию в данном направлении? В некотором смысле этот вопрос можно воспринимать как часть более общей проблемы совместимости религии и политической современности, по край-

ней мере в тех ее аспектах, которые касаются десакрализации власти, деиерархизации социальной структуры, развития горизонтальных механизмов самоорганизации и т. д.

Начинается книга главой, в которой разбираются теоретические вопросы и методология исследования. Автором выбраны те подходы и тот понятийный аппарат, который использовался в европейском и американском религиоведении. Автор полагает, что разрабатываемые Максом Вебером, Толкоттом Парсонсом и Питиримом Сорокиным, а также Питером Бергером, Пьером Бурдье и Юргеном Хабермасом методы изучения религии и ее влияние на институты власти и гражданского общества могут быть востребованы при обращении к российской реальности. Опираясь, в частности, на идеи и терминологию П. Бурдье, автор книги разрабатывает модель влияния православия на конструирование социальной реальности и выработку легитимного видения социального мира, легитимацию и обоснование власти.

Однако нельзя не отметить очевидный пробел теоретико-методологической части: в работе практически полностью отсутствуют попытки адаптации западных концепций к российским реалиям. В частности, недостаточно просто, как это делается в разделе «Особенности религиозной ситуации в российском обществе», описать концепции «религиозного рынка» и «плюрализации» Питера Бергера или «постсекулярного общества» Юргена Хабермаса, а затем сделать вывод о том, что «использование разработанного ими понятийного аппарата для описания религиозной ситуации в России позволяет выявить существенные особенности положения конфессий, государственно-церковных отношений и религиозного поведения населения» (с. 29–30). Требуется операционализация данных понятий к специфическим российским реалиям: действительно ли религиозная ситуация в России может быть описана через язык «религиозного рынка»? Действительно ли мы имеем дело с «плюрализацией» в западном смысле? Можем ли мы говорить о складывании «постсекулярного общества» в России в том смысле, в каком это понятие использует Хабермас? Все эти вопросы так и повисают даже без попытки ответа, что несколько снижает значимость теоретическо-методологической главы исследования.

Далее автор начинает систематический анализ того влияния, которое православие

оказывает и оказывало на становление институтов власти. Диагноз автора как сторонника демократических преобразований неутешителен: православие предлагает обществу модель религиозной легитимации власти с характерными для нее моноцентризмом и сакрализацией властных отношений. Это связано с тем, что Русская православная церковь до 1917 г. была едина с государством и соответствующим образом осмысливала свое положение и отношения с властью. Категории православного социального учения основывались преимущественно на представлениях, заимствованных из византийской мысли, в которой не могло быть установившихся в Европе XVIII–XIX вв. различий между государством и обществом. Идеал сакрализованной, неконкурентной и жестко иерархизированной модели управления государством был традиционно присущ русскому православию и утверждался им как богоустановленный. Такой институциональный порядок церковь поддерживает и сегодня в своем социальном учении. Среди социальных идеалов православия нет демократии, гражданского общества, конкурентной политической культуры. Это соответствует церковному преданию, сложившемуся за много веков существования в системе такого типа, где предполагается, что существующая система власти и конкретные ее носители установлены свыше, справедливы и несменяемы.

Следующий важный вывод автора: православная модель социального порядка все очевидней вступает в противоречие с набирающими обороты социально-политическими трансформациями российского общества. Привлекая данные разных исследований, автор показывает, что благодаря социально-экономическому развитию в России за последние годы произошло становление среднего класса с присущими ему независимым экономическим поведением, ценностями и политическими запросами. Сосредоточенный в крупнейших городах средний класс в настоящее время не является доминирующим, но становится важной общественной силой. Из-за этого патерналистская политическая культура утрачивает монополию, возникают предпосылки для появления демократической культуры. Ценности самовыражения начинают теснить традиционные установки, формируется запрос на демократию и либеральную модель взаимоотношений гражданина и государства. При развитии этих тенденций традиционные политические установки право-

славия со временем окажутся неприемлемы для части общества, прежде всего для представителей среднего класса.

Развитие политических институтов в современном мире привело к разделению государства и гражданского общества. Государство отказалось от контроля за нравственной, религиозной и культурной сферами. Регуляцию моральной и духовной жизни взяло на себя гражданское общество. Правитель перестал восприниматься как сакральная и богоизбранная фигура, ведущая подданных к трансцендентному спасению. Современная модель легитимации власти стремится максимально десакрализировать носителя верховной власти и видеть в нем регулярно сменяемого и подотчетного своим избирателям работника. Напротив, провозглашаемый РПЦ идеал симфонии Церкви и государства невольно вносит в понимание высшей власти элемент сакральности. Попытка реализации симфонической модели церковно-государственных отношений оказывается востребованной в условиях неконкурентной системы власти, нуждающейся в псевдомонархической легитимации.

Анализируя практику государственно-церковных отношений, автор приходит к выводу о том, что православие в своих отношениях с обществом, как правило, стремится опираться на институты власти, апеллировать к их помощи и защите, но данная практика входит в противоречие с демократическими нормами современного мира, предполагающими, что влияние религии зависит не столько от взаимодействия с государством, сколько от ее позиций и авторитета в гражданском обществе, от степени развития собственных религиозных общин.

Далее Алексей Ситников рассматривает деятельность православных приходов и иных объединений верующих, их место в структуре гражданского общества России. Опираясь на известные исследования приходской жизни, автор описывает различные виды активности общин и организаций верующих. При этом отмечается, что сохраняется представление о церкви как о жесткой иерархической системе, основополагающий принцип которой — послушание. Поэтому жизнь большинства тех, кто определяет себя как православных, мало связана с приходом.

Объединения верующих, в том числе и приходы, — один из элементов в структуре гражданского общества, они отстаивают свои традиционные ценности и идеалы, право жить в соответствии со своими убе-

ждениями. В современном государстве церковь неизбежно становится организацией гражданского общества, но при этом руководство церкви продолжает по инерции стремиться к тесной связи с государством. Священноначалие не полагает нужным развивать и поддерживать многообразную сеть групп и объединений, созданных рядовыми верующими. Напротив, в этом видится некая опасность для церковной иерархии. Руководство церкви, желая сделать ее влиятельной организацией, стремится не столько развивать приходы и другие объединения, созданные рядовыми верующими, сколько контакты с представителями власти, ищет их поддержки и полагает, что влияние церкви прямо пропорционально ее связи с государством, что она может быть значимой организацией лишь благодаря власти (с. 210).

Общий вывод автора неутешителен: православие и курс на демократизацию и становление гражданского общества на данном этапе несовместимы. Православие оказывает тормозящее и консервирующее влияние на развитие институтов власти. Более того, у автора, похоже, нет никакого видения путей преодоления этой несовместимости, кроме некоторых оптимистических и на самом деле мало чем подкрепленных намеков на то, что «современные демократические ценности, разделяемые средним классом, по всей вероятности, будут востребованы значительной частью верующих. Возникнет необходимость определенного «разворота» социальной доктрины православия в сторону предпочтений доминирующей социальной группы верующих» (с. 148).

Не будем на страницах данного обзора вступать в полемику с автором. В конце концов, данная работа ценна именно остротой вопросов и провокативностью ответов. Поэтому просто ограничимся двумя замечаниями. Во-первых, автор никак не затрагивает вопрос о том, насколько вообще и в каком смысле можно говорить о влиянии православия на институты власти, «стратификационную структуру» и становление гражданского общества. Ведь, как отмечает сам автор, православие и в целом степень религиозности незначительно влияют на социально-политическое сознание россиян (с. 105), за исключением нескольких сугубо символических моментов — например, желание видеть во главе государства православного президента или же общее неодобрение культурного либерализма. Более-менее значимая связь между религиозной принад-

лежностью и социально-политическими воззрениями прослеживается лишь у сильно воцерковленных россиян, которых, согласно используемой автором методологии подсчета, оказывается всего около 2% населения. Даже некоторые упоминаемые автором тенденции по направлению к новой симфонии государства и церкви (или скорее «синодализации», по выражению Михаила Шахова[3]) сами по себе никак не подтверждают факт наличия какого-то значимого влияния (за исключением своеобразного «обмена даров» — административные и финансовые блага в обмен на идеологическую поддержку).

Во-вторых, автор тяготеет к тому, чтобы описывать православие и православных как некое единое и непротиворечивое целое, в общем и целом тяготеющее к отрицанию назревающих социально-политических преобразований. При этом почти никак не учитывается тот факт, что внутри самого православия существуют разные идейные течения и действуют разные акторы, некоторые из которых прекрасно чувствуют те вызовы, которые стоят перед православием в современных условиях и пытаются осуществлять необходимую рефлексию в данном направлении[4].

Однако позволим себе не развивать здесь эти темы и заключим наш обзор, заострив те принципиальные и даже провокативные вопросы, которые встают перед нами благодаря проведенному исследованию: действительно ли в прошлом и настоящем русского православия отсутствуют ресурсы, способные если не способствовать политической модернизации, то хотя бы не препятствовать ей? Действительно ли русское православие обречено оставаться заложником традиционных, уходящих корнями в византийское наследие представлений о власти, обществе и человеке? И что в таком случае ждет Русскую православную церковь, если просматриваемые автором трансформации общества все же произойдут?

Д. Узланер

3. См. *Шахов М. О.* Клерикализация России: миф или реальность? // Национальные интересы. 2002. № 5 (22). С. 58–61.

4. В качестве примера анализа, учитывающего эту многомерность современного православия, сошлемся на работы К. Штекль. См., в частности: *Штекль К.* Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 57–82.